

О землевладении ростовских князей на территории Ростовского уезда в XV – первой трети XVII века

С.В. Стрельников

Проблема, связанная с обстоятельствами включения Ростовской земли в состав складывающегося Русского централизованного государства, неразрывно связана с судьбами земельных владений ростовских князей XV – XVI вв. Вопрос этот имеет достаточно давнюю историографическую традицию.

Первым историком, который привлек внимание к событиям, связанным с условиями продажи в 6982 (1473/74) г. ростовскими князьями Ивану III второй половины Ростова, был В.Н. Татищев: «Тоя же зимы князи ростовские, князь Володимер Андреевич со всеми детьми и братаничи, продали отчины своей половину города Ростова со всем, *а взяша за него два села великого князя да денег 5000 рублей* (курсив мой. – С.С.); а князь великий князь даде ту половину матери своей к вотчине ея Переславлю»¹. Данное известие в сравнении с записями под тем же годом в других летописях является уникальным, поскольку в последних ничего об условиях продажи не сказано. Но на какие источники опирался Татищев или же просто домыслил, неизвестно.

Более подробно вопрос о судьбе родовых гнезд ростовских князей рассмотрел С.В. Рождественский, отметив, что продажа второй половины Ростова «со всем» не повлекла за собой потерю ростовскими князьями всех своих вотчин. Скудные известия о владении ростовскими князьями своими родовыми вотчинами в Ростовском уезде в конце XV–XVII вв. не дают представления об их многочисленности или величине и, как замечает С.В. Рождественский, «скорее намекают на процесс их разрушения, чем объясняют его»². Как характерную особенность землевладельческого положения ростовских князей после 1474 г. выделил С.В. Рождественский тот факт, что ростовские княжеские фамилии, разветвляясь, не оседали уже в отдельных мелких уделах, и тем самым их фамильные имена «произошли не от имен уделов, а от личных прозвищ, к которым присоединялось и общее родовое имя «Ростовских», указывавшее на то, что память об общем происхождении не порывалась уделеною обособленностью» (исключение составляет род князей Пужбальских – от селения Пужбалы)³. Основываясь на этом построении, С.В. Рождественский сделал следующий вывод: ростовским князьям после 1474 г. не пришлось переживать период мелких уделов, а сразу же перейти из положения владетельных князей в положение простых вотчинников⁴.

В.Б. Кобрин развил мысль Рождественского о фамилиях рос-

товских князей, которая косвенно подтверждает потерю ростовскими князьями и суверенных прав и родовых вотчин: фамилии даны по именам отцов и дедов (Приимковы, Лобановы, Темкины и др.), а не образованы от названий вотчин. Это согласуется с тем, что сведений о вотчинах ростовских князей очень мало, а также с тем, что большинство здешних землевладельцев принадлежало к пришлым родам. Тогда как за пределами родового гнезда ростовские князья имели многочисленные владения в самых разных уездах. Следовательно, «корпорация ростовских князей в Тысячной книге и Дворовой тетради, вероятно, носила более традиционный генеалогический, чем территориальный и землевладельческий характер⁵.

Против утверждения Кобрина о потере ростовскими князьями почти всех своих владений к середине XVI в. выступили Р.Г. Скрынников и А.П. Павлов. Рассмотрев доводы и примеры, которые приводит В.Б. Кобрин, Р.Г. Скрынников справедливо замечает, что «подобное соображение могло бы иметь некоторую доказательную силу, если бы ростовская документация сохранилась в сколько-нибудь полном виде, а не в отрывках». Наиболее авторитетная документация — дворовые списки четко делили князей Ростовских на две категории. Те князья, которые сохраняли вотчины в родовых гнездах, проходили службу по княжеским спискам. Князья, утратившие родовые земли и перешедшие на поместья и пр. в других уездах, служили вместе с уездными дворянами. Согласно дворовым документам 1550-61 гг., восемнадцать ростовских князей проходили службу по княжеским спискам в Ростове и более тридцати — по уездам. Поскольку в первую категорию входило более трети членов княжеского дома, то говорить о полной утрате ростовскими князьями родовых вотчин не приходится⁶. В свою очередь А.П. Павлов привел данные из судного дела 20-х гг. XVII в. о владении ростовскими князьями вотчинами в уезде в доопричное время⁷. В своей работе А.П. Павлов также указал в общих чертах размеры земельных владений в Ростовском уезде той части служилого сословия XVI в., что входила в состав Государева двора⁸.

Попробуем рассмотреть вопрос о наличии и утрате ростовскими князьями земельных владений в Ростовском уезде на основе всего комплекса известных на данный момент источников.

Наиболее раннее известие о родовом княжеском землевладении содержится в дошедшей в пересказе данной княгини Феодоры, жены князя Михаила Андреевича Ростовского, и ее сына Андрея. Грамоту следует датировать не позднее первой четверти XV в.⁹ Михаил Андреевич являлся одним из 6 сыновей (пятым) князя Андрея Федоровича, умершего в 1409 г. в преклонном возрасте. Сын князя Михаила Андрей по родословцам не известен, однако информация о нем, как и его родителях, содержится в ростовском соборном синодике¹⁰. Как явствует из грамоты, они дали в Ростовский Богоявленский монастырь расположенное в Сотемском стане околомонастырское сельцо Спасское, «опричь третьева поля, что от Николы Святаго, да опричь двух пожен:

пожня Никольская, что поп кашивал селецкой, да другая – Заровская». Эта часть сельца тянула к Никольской церкви и, учи-тывая трехполье, вероятно, была дана ранее кем-то из ростовс-ких князей Сретенской линии (возможно, даже Михаилом Анд-реевичем или его супругой)¹¹.

О другом земельном вкладе в Богоявленский монастырь, по-ступившем после 1434 г. от вдовы князя Александра Федоровича (племянника князя Михаила Андреевича) княгини Мары и ее сына Дмитрия Александровича (родоначальника князей Щепи-ных-Ростовских), сведения содержатся в сотной выписи с пис-цового описания И.А. Плещеева и И.Д. Низовцева 1543/44 г. Сама сотница дошла в пересказе в составе указной грамоты 1650 г. В ней о слободке Большой погост сказано: «Дворы Богояв-ленского монастыря над озером, а поставлены те дворы на Но-вой сельской земле, на сошной, а дали тое землю Новосельс-кую вотчинную княгиня Марья княж Александрова Федоровича да сын ее князь Дмитрий Александрович в монастырь Святому Богоявлению в дом по князе Александре Федоровиче и по всем своем роду в сорокоуст в вечное поминание»¹². Интересно, что в сотнице приведены обязательства монастыря перед вкладчиками, что указывает на заимствование этого фрагмента текста из данной грамоты. Кроме того, становится известным имя жены Александра Федоровича от второго брака, дочери Константина Дмитриевича Зернова. В литературе отмечалось, что князь Дмит-рий Александрович примерно в 30-40-е гг. начинает приобретать земли уже за пределами Ростовского княжества – в Бежецком Верхе¹³. Не исключено, что в дальнейшем князья Щепины ут-рачивают свои родовые владения.

Выделившиеся из князей Сретенской линии Приимковы также начинают в XV в. утрачивать свои родовые земли на территории Ростовского уезда. До 1491 г. А.М. Плещеев «по государя свое-го жалованью великого князя» купил у князя Дмитрия Приим-кова родовое сельцо Приимково с деревнями и пустошами¹⁴. Родословцы знают трех Дмитриев: Дмитрия (Хрисанфа) Федоро-вича Приимка, его сына и внука. Указание на приобретение сельца у Дмитрия Приимкова снимает вопрос о возможности его покупки у родоначальника Приимковых. Необходимо также за-метить, что его родной брат Александр Федорович упоминается в псковских летописях с 1410 г. по 1434 г., а с конца 20-х гг. XV в. и сын последнего – Дмитрий Щепа. Ермолинская летопись, повествуя под 1436 г. о военных действиях между войсками Василия II и Василия Косого на территории Ростовского княже-ства, сообщает о заключении между ними перемирия чернепцом Русаном из Ростовского Борисоглебского монастыря¹⁵. Думает-ся, не случайно на страницах летописи появляется столь редкое имя Русана. Вряд ли рядовой монах мог заинтересовать летопис-ца, и уж тем более войти в доверие к враждующим князьям из правящего дома. Возможно, перед нами летописное упомина-ние о третьем сыне князя Федора Андреевича, князе Русане (Фе-доре), чью деятельность, как и деятельность его брата Алексан-

ра Федоровича, можно отнести к середине 30-х гг. Во всяком случае, период жизнедеятельности Дмитрия Федоровича Приимка надо относить никак не позднее первой половины XV в. Вероятно, продавцом сельца был его сын, а не внук, поскольку оба упомянуты среди помещиков в новгородских пятнах конца XV в.

Попробуем гипотетично установить время приобретения сельца. С начала 70-х по начало 80-х гг. великая княгиня Мария Ярославна покупает в Ростовском уезде села: до сентября 1473 г. за ней упоминаются села Покровское и Савинское (с уточнением — «Локсомерь»), к февралю 1481 г. — помимо села Покровского, сёла Терентьевское, Тимофеево сельцо, Погорелка, Болдырево, Трапарево, Толмачево, Павловское с деревнями¹⁶. Из архива Богоявленского монастыря дошла интересная приписка к житию его основателя преп. Авраамия: «В лета 6981 году. Егда князь великий Иоанн из Риму царевну взял, дочь деспоты Аммерайского Фомы, и та чудотворцова вотчинка, селцо Оугодное, взято на время, и оу иных оу многих. И потом сын его князь Иоанн женился оу волосского воеводы оу Стефана на Елене, и в том замолчали, а из монастыря не били челом. И в 34-м году. Как сын его, князь великий Василий Иванович, княгиню свою Соломаниду Сабурову постриг, а взял Глинских Елену, и тою вотчинкою завладели Глинские»¹⁷. Перед нами упоминание о политике Ивана III в области ограничения роста церковно-монастырского землевладения, пересмотра владельческой принадлежности, что, как известно, прослеживается и на примере других монастырей: Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского. Известно, что полученный в 1446-1447 гг. земельный вклад в Рождественском стане и закрепленный иммунитетным пожалованием Василия II в 1453 г. не был подтвержден Иваном III и не числился за Троице-Сергиевым монастырем в XVI в.¹⁸ Весьма вероятно, что он был отчужден у монастыря уже к началу 70-х гг. и входил в число «и у иных у многих». С другой стороны — упомянутая приписка может относиться не только к церковно-монастырскому землевладению (безусловно, имевшему место), но и к княжескому, поскольку по времени (зима 1473-1474 гг.) близка к продаже ростовскими князьями второй половины Ростова. В целом, в ростовской земельной политике как великого князя (Ивана III, Марии Ярославны), так и его слуг (А.М. Плещеева), основным понятием является «купля». Неслучайно в родословцах за ростовскими князьями сохранился эпитет «окупные». И в то же время большое число князей Ростовских мы встречаем среди испомещенных в новгородских пятнах в конце XV в.: Иван и Семен Ивановичи Пужбальские, Дмитрий Приимков с 4-мя сыновьями (Дмитрий, Волк, Баламит, 4-й — не указан), Семен Иванович Приимков, Андрей и Семен Дмитриевичи Приимковы, Иван Лобан (родоначальник Лобановых), Константин Михайлович Касаткин, Иван Темка Иванович Ростовский, Иван Буйнос (родоначальник Буйносовых) и Андрей Александровичи Хохолковы Ростовс-

кие, Василий Юрьевич Ростовский. Фактически на новгородских землях были представлены почти все фамилии князей Ростовских того времени¹⁹. Никакая иная линия бывших удельных князей не была представлена здесь так пестро как Ростовские. Наряду с утратой родовых земель в Ростовском уезде, такой процесс скорее напоминает целенаправленное переселение.

Другое косвенное свидетельство о продаже родовых земель содержится в зарядной записи 60-70-х гг. XV в. пришедших из Костромы Д.Ф. и В.Ф. Черемисиновых. Из выписи выясняется, что братья «прикупили» в Сотемском стане село Савеловское «з деръвнями, и с пустошми, и с лесы, и с луги, и с пожнями, и с угодьи, опричь Голузинова и з деревнями и с пустошми»²⁰. Из дошедшего в документе упоминания о купле не было ясно, кто мог быть их контрагентом в этой сделке. «Опричь Голузинова» явно указывает на то, что Савеловское и Голузиново составляли единый хозяйственный комплекс. Как явствует из отписных книг Афанасия Жеребцова и подьячего Ивана Ефанова 1588/89 г., к селу Полянки на реке Сотьме среди селений тянула деревня Голузиново²¹. Ранее село Полянки находилось за князем Ю.И. Темкиным. Его внучатый племянник, М.М. Темкин выдвинул в 20-е гг. XVII в. претензии на сельцо Полянки с деревнями «деда ж моего родного князя Юрья и прадеда моего (князя Ивана Ивановича Темки. – С.С.)»²². Можно с большой долей вероятности предположить, что Черемисиновыми была приобретена часть родовых земель князей Темкиных, происходивших из Борисоглебской линии ростовских князей. В пользу этого предположения говорит и географическая близость села Савеловского и деревни Чюраково Сотемского стана²³. Последнюю в 1527/28 г. князь Ю.И. Темкин променял А.Ф. Пильемову (из рода Сабуровых)²⁴. К схожему выводу о возможности приобретения во второй половине XV в. Черемисиновыми села Савеловского у князей Темкиных-Ростовских параллельно пришел и С.М. Каштанов, опираясь на карты Генерального межевания XVIII в.²⁵ Не исключено, что приобретение Черемисиновых, чьи потомки писались по их некалендарным именам – Мещериновы, Русиновы, Мордвиновы, состоялось в начале 70-х гг., когда была приобретена Борисоглебская половина Ростова. Иван Иванович Темка, взятый в плен под Оршей в 1514 г. и оставивший после себя детей в достаточно юном возрасте, приходился племянником (братаничем) князю Владимиру Андреевичу Ростовскому. Следовательно, ко времени продажи второй половины Ростова в 1474 г. отец И.И. Темки являлся умершим, поскольку Владимир Андреевич упоминается не с родным братом, а с двоюродным (Иваном Ивановичем), а также со своими детьми и племянниками. В число последних должен был входить и И.И. Темка. В связи с политической обстановкой, сложившейся в Ростовском княжестве в первой половине 70-х гг., можно предположить, что покупка Плещеевыми сельца Приимкова относится к этому времени.

Итак, в XV в. в Ростовском уезде, вероятно, происходит силь-

ное «вымыгвание» ростовских князей.

В период правления Василия III, возможно, происходят некоторые изменения в отношении ростовских княжат. Так, в 20-е гг. XVII в. Приимковы утверждали, что продали сельцо Приимково князю Ю.И. Темкину, бывшему, в отличие от первых, представителем Борисоглебской линии князей. Для этого сельцо должно было вернуться от Плещеевых вновь к Приимковым. В родословных таблицах ростовских князей, приложенных к работе А.А. Титова о Ростовском уезде, родство Плещеевых именно с представителями рода Приимковых зафиксировано дважды. Возможно, это несколько проясняет обстоятельства возвращения родового сельца Приимковым. Во всяком случае, известно, что к середине XVI в. Приимково находилось за Ю.И. Темкиным, забранное в опричнину во Дворец.

Судя по всему, Темкины в XV в. утратили далеко не все владения. Помимо сельца Полянки за ними, возможно, уже тогда находилось село Сулость. В межевой памяти 1562/63 г., сохранившейся в архиве Ростовского Белогостицкого монастыря, смежным с монастырским владением названо село Сулость, принадлежащее князю Юрию Ивановичу Ростовскому. Этот князь Ю.И. Ростовский непонятным образом отождествлялся исследователями с князем Ю.И. Лобановым-Ростовским²⁶. Для того, чтобы прояснить этот вопрос, необходимо обратиться к судным делам 20-х гг. XVII в., связанных с родовыми землями нескольких фамилий князей Ростовских²⁷.

В ходе судебного разбирательства князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский при отстаивании своих прав на село Сулость, находившимся за ним в поместье, утверждал, что прежде село Сулость наряду с сельцом Никольским находилось в вотчине за его двоюродным дедом князем Юрием Ивановичем Темкиным. Из сказки князя М.М. Темкина следовало: «А во Дворец те вотчины поиманы были у деда моего князя Юрья Темкина, как была на родителей моих опала блаженные памети при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, с ыными родовыми нашими ростовскими вотчинами»²⁸. Из Дворца те земли были отданы в поместье боярину князю Федору Шестунову, у которого затем взяты во Дворец. При царе Василии Шуйском сельцо Никольское было дано в поместье стрелецкому голове Ивану Козлову, а «при боярех» Никольское было забрано у Козлова и отдано в вотчину М.Г. Темкину (отцу М.М. Темкина) по его челобитью. Тогда же и сельцо Сулость было пожаловано ему в поместье. После смерти отца М.М. Темкин в 6-летнем возрасте наследует по своему челобитью и вотчину и поместье.

Таким образом, наиболее вероятным кажется предположение о принадлежности еще во второй половине XV в. сельца Полянки и, возможно, села Сулости родоначальникам князей Темкиных-Ростовских²⁹.

В подтверждении своих прав М.М. Темкин ссылался на писцовые книги Петра Колединского 1561-1563 гг. и дозорные книги Якова Мещеринова и Степана Сабурова 1571 г. Как явствова-

ло из них, за князем Ю.И. Темкиным числились в Сотемском стане село Полянка на речке Сотьме, сельцо Новое, село Никольское и 32 деревни, в Якимовском стане — село Сулость и 7 деревень с четвертью. За его братом Г.И. Темкиным, по книгам 1561-1563 гг., в Сотемском стане значились село Погост (в нем церковь Св. Николая), 4 деревни и 2 пустоши. По дозорным 1571 г. за ним же «объявились» еще 12 деревень. Весь этот комплекс земель являлся родовой вотчиной князей Темкиных. В дальнейшем эти земли после конфискации были приписаны к дворцовому селу Великому. Противники М.М. Темкина признавали принадлежность этого комплекса земель, кроме Сулости. По их мнению, за Ю.И. Темкиным находилось не Сулость, а село Халдеево на реках Луте и Вздериношке с 12 деревнями, как раз с теми, что были записаны за Г.И. Темкиным³⁰. Более подробный разбор судных дел 3-го десятилетия XVII в. требует отдельного исследования.

Село Петровское (Перовское) Печеготцкого стана в 1557/58-1558/59 гг. находилось в поместье за князем Григорием Ивановичем Тёмкиным-Ростовским³¹.

Известно, что вдова князя Ю.И. Темкина княгиня Марья дала в Ростовский Борисоглебский монастырь по мужу и по своим детям Дмитрию и Ивану сельцо Олешково с деревнями, расположенное в Савине стане³². Дети записаны в синодике опальных Ивана Грозного.

Князь Андрей Дмитриевич Ростовский дал в 1546 г. вкладом в Ростовский Борисоглебский монастырь 30 рублей. После его смерти (около 1549/50 г.) монастырю перешло сельцо Новое с деревнями в Рождественском стане³³.

1 мая 1570 г. князь И.Ф. Гвоздев-Ростовский дал в Борисоглебский монастырь вклад (30 рублей и вещи)³⁴, а в 1571/72 г. Богоявленский монастырь получил от его вдовы Овдотьи и её сына Василия место в 4 десятины под мельницу и двор³⁵.

В документах Ростовского Белогостицкого есть также упоминание о закладной грамоте 1607/08 г. в 300 рублей, жены князя М.Ф. Гвоздева-Ростовского Ирины Васильевны, князя М.М. Лобанова-Ростовского (вероятно, ее дядя) и протопопа Вознесенского девичьего монастыря Симеона (вероятно, брат М.М. Лобанова-Ростовского и дядя Ирины Васильевны) на усадьбище Дехтярево (Гвоздево) и на деревни Макарово, Исады, Левково с пустошами³⁶. Видимо, они были вскоре выкуплены князьями Бахтеяровыми-Ростовскими, поскольку в 1620 г. вдовая княгиня Евдокия, «по государеву патриаршеву указу» и по завещанию своего мужа князя П.В. Бахтеярова-Ростовского, умершего в 1618 г., дала сельцо Гвоздево с деревнями на выкуп «роду своему» князьям Приимковым-Ростовским — за сумму в 300 рублей, разданные затем по монастырям³⁷. В 1620/21 г. князья Приимковы-Ростовские дали в Белогостицкий монастырь 4 десятины из земли, приписанной к деревне Левково, и мельничное место дворовое³⁸.

В целом, при характеристики землевладения ростовских кня-

зей на территории Ростовского уезда можно условно выделить 4 периода. Первый приходится на XIV-XV вв., когда шло постепенное «вымывание» ростовских князей на территории уезда, сопровождающееся их переходом в другие княжества и уезды. Для этого периода точка зрения В.Б. Кобрина скорее всего верна. Эта политика прослеживается и на примере рядовых служилых землевладельцев уезда. Новый период, связанный с правлением Ивана Грозного (до середины 60-х гг. XVI в.), а возможно, и ранее Василия III, характеризуется попытками представителями отдельных родов ростовских князей вернуть свои родовые земли. Из 7 фамилий ростовских князей, представленных в Дворовой Тетради в генеалогической рубрике, в источниках содержится информация о вотчинах представителей 4-х из них. И здесь, вероятно, можно согласиться с мнением Р.Г. Скрынникова и А.П. Палова о том, что рубрика носит не просто генеалогический характер, а территориальный и землевладельческий. Опричнина ознаменовала собой третий период, связанный с включением Ростова в опричнину и конфискацией почти всех оставшихся родовых «гнезд». Четвертый период (2-е и 3-е десятилетия XVII в.) связан с попыткой возвращения вотчин той частью ростовских князей, земли которых были утрачены в опричнину.

*

¹ Татищев В.Н. История Российской. М.-Л., 1966. Т. VI. С. 44.

² Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 150.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.). М., 1985. С. 64, 79-80.

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 255.

⁷ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 154-155.

⁸ Там же. С. 149-217.

⁹ О датировке грамоты см.: Стрельников С.В. Грамоты из архивов ростовских монастырей // Русский дипломатарий. Вып. 7 (в печати).

¹⁰ Конев С.В. Синодикология. Часть II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург-Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 95-106. На данную публикацию мне любезно указал А.В. Кузьмин.

¹¹ Подробнее о Никольской церкви и монастырьке при ней см.: Стрельников С.В. Грамоты из архивов ростовских монастырей.

¹² С. Иустин, архим. Описание Ростовского Богоявленского Авраамиева мужского второклассного монастыря Ярославской епархии. Ярославль, 1862. С. 61.

¹³ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 147, 148; Каштанов С.М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 347, 348, 371, 372; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 66.

¹⁴ АСЭИ. Т. I. № 562.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 149.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. № 70 (С. 243), 72 (С. 253).

¹⁷ ГМЗРК. Р-162. Л. 55 об. На это известие обратила мое внимание Т.Л. Никитина.

¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 185, 243.

- ¹⁹ Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. Приложение III.
- ²⁰ АСЭИ. Т. 1. № 339. Публикаторы I тома АСЭИ ошибочно отнесли Голузиново к Сотемскому стану Костромского уезда. В Костромской же уезд входил Соцкий стан, а не Сотемский. Наименование последнего происходит от названия реки Сотьмы, протекающей севернее Ростова. К тому же в грамоте ясно сказано – в Сотемском стану. К аналогичному выводу пришел С.М. Каштанов (Каштанов С.М. Формирование Ростовского уезда в XV – XVI вв. Часть II. Станы Лутский и Сотемский // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 16-17).
- ²¹ Лихачев Н. Судное вотчинное дело стольника князя Юрия Андреевича Сицкого о наследстве после князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского // Известия императорского Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 308.
- ²² Лихачев Н. Судное вотчинное дело С. 239.
- ²³ Каштанов С.М. Формирование С. 15.
- ²⁴ ОР РГБ. Ф. 303/1. Т. 1. № 275.
- ²⁵ Каштанов С.М. Формирование С. 15-17.
- ²⁶ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 64; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). С. 155, 172.
- ²⁷ Лихачев Н. Судное вотчинное дело С. 222-352; РГАДА. Ф.1209. Столбы по Ростову, № 301/30116. Л. 270-461; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. II. № 510.
- ²⁸ Акты служилых землевладельцев Т. II. № 510. С. 435.
- ²⁹ Некоторые сомнения в последовательности событий, связанных с покупкой Черемисиновыми села Савеловского, возникают при сопоставлении наименования селения с судьей в Ростове великой княгини Марии Ярославны Иваном Савеловым (См.: АСЭИ. Т. I. № 445).
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Столбы по Ростову, № 301/30116. Л. 416-417, 431-433.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 254. Л. 64-66, 71.
- ³² ОР РНБ. Собр. Титова. № 4904. Л. 44 об.
- ³³ Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях /Изд. А. Титова. Ярославль, 1881. С. 9-10.
- ³⁴ ОР РНБ. Собр. Титова. № 4904. Л. 41 об.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10750. Л. 932.
- ³⁶ Гаврилов А.В. Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря // Сборник Археологического института. Кн. IV / под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1880. Отд. II. С. С. 94; Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. Родословная. С. 589, 592.
- ³⁷ Лихачев Н.П. Судное вотчинное дело... С. 292, 290, 291. Бахтеяровы, как и Гвоздевы, происходили из рода князей Приимковых.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10750. Л. 305-306; Гаврилов А.В. Указ. соч. С. 79.